

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-240-242

© А. Ю. Соловьев

ЛЮДВИГ ХОЛЬБЕРГ И РОССИЯ*

Изучение восприятия творчества иноязычных писателей и литературных явлений, популярных в свое время, а впоследствии изменивших свою репутацию (например, переход в разряд детского чтения или постепенная утрата интереса вплоть до полного забвения), ставят перед исследователями особую задачу — не исказить, под влиянием современных представлений, действительной роли изучаемого явления в принимающей культуре. Исторический подход блестяще реализован в трудах В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, Ю. Д. Левина, Р. Ю. Данилевского, В. Э. Вацуро и др. Но можно вынести за рамки исследования проблему историко-литературного процесса, сосредоточившись на типологических наблюдениях, и не утратить при этом академическую почву. Данный путь представлен, на наш взгляд, рецензируемой книгой. В кратком введении к ней М. Ю. Люстров отмечает, что Людвиг Хольберг (первоначальное и до сих пор привычное написание фамилии знаменитого датчанина по-русски — Гольберг), по сути, был классиком для русского литературного сознания в XVIII — начале XIX века; имена его персонажей оставались нарицательными; переводы (преимущественно через посредничество немецкого языка) появлялись в течение 70 лет. Но главный объект исследования не столько судьба его наследия в России, сколько «произведения Л. Хольберга, переводившиеся на русский язык или содержащие рассуждения о России, ее монархах и ее жителях» (с. 14; курсив мой. — А. С.). Эта формулировка дает ключ к пониманию метода, которого придерживается М. Ю. Люстров. Книга уже рецензировалась в целом,¹ но наш обзор коснется прежде всего тех аспектов, которые представляют нам важные в свете указанной проблематики.

Монография построена по тематическому принципу: в каждой из глав рассматривается та или иная группа сочинений Хольберга, оста-

вившего наследие в разных родах словесности: драматургии, поэзии, прозе. Хронологическое расположение материала внутри каждой главы дополняется этюдами, посвященными другим скандинавским авторам и произведениям, имеющим отношение к России или переводившимся на русский язык.

В кратком очерке, открывающем первую, «театральную», главу рассказывается об особенностях переводов комедий Хольберга в сопоставлении с оригиналами и переводами-посредниками, об изменениях, соотносящихся (а иногда нет) с заложенным в оригинале потенциалом.

Сопоставляя «Жана де Франса» Хольберга, «Бригадира» Д. И. Фонвизина и «Русского француза» И. П. Елагина, Люстров вводит в ряд театральных сатир на галломанию комедии Л. де Буасси «Француз в Лондоне» (опираясь на находку А. Г. Евстратова в диссертации «Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х — начале 1770-х годов» (М., 2009)) и К. Гюлленборга «Шведский щеголь», что значительно расширяет контекст. Именно подключение новых произведений в традиционную триаду позволяет сделать вывод о появляющемся в 1780-е годы «новом отношении к европейским путешествиям молодых русских дворян» (с. 31) — благоразумный путешественник вынесет опыт из посещения и самого Парижа, который так портит остальных: «...путешествие во Францию может быть вредным или полезным в зависимости от того, каким характером обладает предпринявший его юноша» (с. 31). Необходимо уточнить, что новым это отношение предстает только для комедий. В журналах XVIII века был опубликован ряд переводных сочинений, отстаивающих сходную точку зрения.²

Анализируя нарушения причинно-следственных связей (с. 23–27), появляющиеся в русских переводах комедий Хольберга и отсутствующие в оригинале, исследователь называ-

* Люстров М. Ю. Людвиг Хольберг и русско-скандинавские литературные связи в XVIII веке. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 272 с.

¹ См.: Альманах североευропейских и балтийских исследований. Петрозаводск, 2021. Вып. 6. С. 396–398 (автор рецензии — Н. Г. Шарпенкова).

² См. о них в обзоре Э. Вагеманса, впрочем не устанавливающего источника: *Waagemans E. Betrachtungen über das Reisen in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1985. Bd. 30. № 3. S. 430–435.*

ет эту особенность приемом, хотя и делает оговорку, что «приведенных примеров слишком мало, чтобы обнаружить тенденцию» (с. 27). Выскажем предположение, что наличие логических ошибок могло быть связано с предназначением переводов для сцены, что влияло на скорость и, как следствие, качество. Хотя в данном случае М. Ю. Люстров не сообщает об обследовании фондов Театральной библиотеки (возможно, оно ничем не помогло), отметим его внимание к рукописным источникам.

В главе о сумасшедших героях в русских, датских и шведских произведениях XVIII века говорится, что иногда Хольберг «рассуждает о безумии не персонажей, но зрителей пьес» (с. 43), но не поясняется, отзывается ли так комедиограф вообще обо всех зрителях (по аналогии с метафорой «весь мир театр») или только о тех, кто видит на сцене выпады непосредственно против себя. Ответ на этот вопрос был бы интересен в контексте споров в русской литературе о задачах сатиры на конкретное лицо или на порок.

Проведенный анализ позволяет говорить о «северных комедиях», «комедиях северных авторов» (с. 29, 34 и др.). Это не жанр и не направление, но некоторая общность, устанавливаемая отнюдь не исследовательским произволом, как может показаться при поверхностном чтении, а сознательно избранной точкой зрения, к пониманию которой подводит постепенное знакомство с каждой из следующих глав книги.

Особое внимание в книге уделено связям и пересечениям творчества Хольберга и Фонвизина, им посвящена вторая глава. Помимо того, что русский писатель перевел датского, современники видели в них «не только авторов лучших комедий Севера, но и сочинителей одного плана, наделенных схожим „умом острым“» (с. 49). Увлеченность М. Ю. Люстрова жизнью и творчеством Фонвизина, его знакомство с архивными материалами писателя раньше уже отразились в составленной им биографии, изданной в серии «Жизнь замечательных людей» (2013). В рецензируемом исследовании оба героя предстают равновеликими. Не случайно начинается книга с развернутой цитаты из «Ученых записок Московского университета» (1834) о Хольберге как «датском Фонвизине».

Из гипотез и находок М. Ю. Люстрова отметим, что, разрабатывая вопрос о переключках «Хвастливого солдата» Хольберга с «Бригадиром», он предполагает одновременно ориентацию комедии Фонвизина на «Тресотиниуса» А. П. Сумарокова, тоже основанного на «Хвастливом солдате»; «Бригадир» же, как полагает исследователь, отчасти высмеивает Сумарокова. Шутке в «Недоросле» о древности рода Скотининых (восходящего якобы к доадамовым временам) Люстров находит параллель в герое той же комедии Хольберга, но не проводит прямой линии преемственности, а объединяет их в одну группу сочинений, использующих одну и ту же идею, включая сюда же «Письмов-

ник» Н. Г. Курганова (со ссылкой на статью Д. А. Трушиной «„Родословная“ сатиры в „Недоросле“ Д. А. Фонвизина и ее традиция в европейской литературе» (Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 3–4. С. 256–268)) и вторую сатиру А. Д. Кантемира. В главе о «страшных» сравнениях в произведениях Фонвизина и Хольберга, основанных у последнего в том числе на описаниях Смутного времени, ученый анализирует прием изображения расправы над преступником, который встречается у обоих авторов и при этом «в европейской исторической литературе общепринятым не был» (с. 60), но не делает вывода о его заимствовании, а рассматривает «весьма показательные и имеющие свое объяснение особенности» использования этого приема (с. 61). Компаративистика здесь естественно дополняется российской.

Анализируя, вслед за А. Стричком (1976),³ переводы Фонвизиным басен Хольберга, Люстров обращает внимание на изменение морали басен, тенденцию к сокращению текста оригинала и т. п., внесение Фонвизиным необходимых объяснений, интерес к моральной философии — все это проявляется в мелких деталях перевода. Далее он проследивает влияние басен — через посредничество фонвизинского перевода — на произведения не знавшего иностранных языков В. И. Майкова, а также А. О. Аблесимова, М. Н. Муравьева (позиции Хольберга в русских переводах от А. Д. Кантемира до Н. А. Львова посвящен и отдельный очерк, с. 205–209). Сравнительный анализ усложняется тем, что перевод Фонвизина сделан не с датского оригинала, а с немецкого перевода, и в отступлениях от источника он «руководствуется самыми разными соображениями» (с. 78).

Тема нравоведения продолжается и в третьей главе, посвященной появлению и распространению «эпистол» и «нравоучительных мыслей» Хольберга в русской традиции.

Значительный интерес представляют разыскания в главе о Хольберге — историке Московии, занимающей в книге центральное место и по объему, и по композиции.⁴ Разбирая известия о России в исторических трудах Хольберга, Люстров делает акцент на том, какая картина русско-датских связей выстраивается автором, в частности, кто из действующих лиц предстает персонажем *чьей истории*. Так, неудачное сватовство датского принца Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича отразилось и в русских, и в датских современных событиях сочинениях, но в описание истории России Хольбергом не вошло (т. е. Вальдемар для Хольберга — герой истории только самой Дании), в отличие

³ Рус. пер.: Стричек А. Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения. М., 1995. С. 44–50.

⁴ Отметим, что книга посвящена памяти историка-скандинависта А. С. Кана (1925–2017), много занимавшегося историей русско-шведских отношений.

от сватовства другого датского принца, Магнуса, произошедшего полувеком раньше. В сочинениях Хольберга, касающихся Петра I, русский царь оказывается исключительно англо-маном (а не «голландофилом»); здесь сказались не столько личные пристрастия Хольберга, сколько круг источников, бывших в его распоряжении (прежде всего книга Дж. Перри о петровской России). В этой главе также рассматриваются исторические сочинения других авторов (например, шведа У. Далина, который в «Истории шведского государства» описывает «русские эпизоды» подробнее, чем Хольберг), а для соположения почти всегда привлекаются русские источники XVII–XVIII веков, в том числе на первый взгляд неожиданные (например, сочинения Симеона Полоцкого).

Сопоставляя «Путевые записки Великой особы», составленные анонимным автором по маршруту Петра I, с шведскими травелогами конца XVII — начала XVIII века, М. Ю. Люстров подчеркивает различия в описании тех или иных сторон жизни Голландии, ее достопримечательностей и т. д., которые говорят о разнице в восприятии шведами и русскими как достижений, так и изъянов цивилизации. Русский травелог — «перечень „куриозов“, вызывающих изумление непосредственного москвитя, человека «малосведущего» (с. 181). Этот вывод вписывается в устоявшееся представление о путешествиях петровского времени и умножает материал, на основе которого может быть выстроена история русского нарратива о Европе — задача, которую еще только предстоит поставить. Также заслуживает внимания наблюдение Люстрова, что Хольберг, заимствуя рассказ о набожности русских у А. Олаария, передает русскую лексику по немецкому переводу упомянутой выше книги Дж. Перри (с. 198).

В главе «Вместо заключения», на наш взгляд, можно было вполне обойтись без такого итога: «...в перечнях, появившихся в Дании в середине XIX в., Россия или возглавляет список европейских держав, или его заканчивает, срединное место она не занимает никогда» (с. 231). Подобных мало относящихся к основной теме выводов и оставленных в стороне завязок для отдельных исследований в книге много, но эту особенность не назвать недостатком: думается, что благодаря ей результаты работы М. Ю. Люстрова могут быть использованы в исследованиях самой разной направленности.

В выходных данных книги не указан редактор, его отсутствие, по-видимому, усилило нагрузку на корректора, что привело к большому числу опечаток, особенно в именах, и мелких погрешностей: Трестиниус (с. 41, вместо Тресотиниус), Смирдий (с. 45, вместо Смердий), Артактеркс (с. 46, вместо Артаксеркс), дочь сандмирского палатина (?) (с. 124, вместо сандмирского). На с. 17 в списке пьес Хольберга,

переведенных на русский язык, в тексте указан «Превращенный мужик» («Jerpe pae Bierget»), а в примечании вместо нее — «Jean de France», и т. п.

М. Ю. Люстров выказывает приверженность методологическим принципам, принятым в рецензируемой книге, и в следующей своей монографии «Очерки по истории русско-шведских литературных контактов в XVII — начале XIX века» (М., 2022).⁵ Яркой иллюстрацией соединения компаративистики и россики здесь служит, например, раздел «Северная война в русской и шведской литературе первой четверти XVIII века», в котором, в частности, рассматриваются шведские и русские панегирики, реляции и «журналы», а также составленные на их основе компиляции. В описании содержания новой книги в целом, данном автором в предисловии, выявляется то же стремление к слиянию двух указанных направлений, несмотря на то, что материал распределяется по трем разделам: «В первом из них <...> рассматриваются переводы на шведский язык <...>, а также оригинальные шведские сочинения второй половины XVIII века, посвященные современным российским монархам или происходящим в России событиям. Во втором <...> сопоставляются шведские и русские сочинения, тематически близкие или принадлежащие к одному жанру <...>. Третий раздел посвящен описанию рукописного сборника, составленного из работ, переведенных (на русский язык. — А. С.) с немецкого <...> и повествующих о жизни и войнах Карла XII...» (с. 5). Она тоже будет ценной для специалиста и отдельными сюжетами, и в совокупности как продолжение исследования русско-скандинавских литературных связей.

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемая монография написана не о Хольберге в России, а о Хольберге и России. В ней на первый план выходит не анализ всех переводов и переделок, упоминаний и влияний датского писателя на русскую литературу, но выстраивание интертекстуальных связей. Так, параллелью к комической поэме Хольберга «Педер Порс» выступает переведенный Н. Осиповым сборник рассказов Р. Распе о бароне Мюнхгаузене (с. 219–224). А короткая, но выразительная глава о Й. Баггесене служит примером «сопоставления некоторых аспектов творчества скандинавских и русских авторов — современников» (с. 225). М. Ю. Люстров находит точку соприкосновения двух авторов (далеко не всегда библиографическую, это может быть, например, какой-либо мотив или тема) и рассматривает через нее их произведение, и это именно тот тип исследования, который увлекает его больше всего и приносит наиболее интересные результаты.

⁵ Благодарю К. Ю. Лаппо-Данилевского, обратившего на нее мое внимание.